сумлѣнія не было: кажинный лишній кусочекъ останется у васъ. Мы тоже вѣдь съ душою, ваше пр-ство!

Увлеченный своимъ краснорѣчіемъ, Аганъ Лукичъ наступилъ на хвостъ любимой „генеральской“ сѣрой кошкѣ (ихъ было всего четыре у капитана). Но Аганъ Лукичъ не потерялся и очень солидно произнесъ: извините, ваше пр-ство! Капитанша улыбнулась...

Взятыя 50 копѣекъ Аганъ Лукичъ отдалъ всѣ женѣ, но выговорилъ на 20 копѣекъ водки.

Матеріалъ явился часамъ къ 12-ти. Работа закипѣла... Весь дворъ уже зналъ, что портной Чижикъ будетъ шить халатъ и получаетъ за работу 3 цѣлковыхъ. Кредитъ Агапа Лукича поднялся... Сыромятниковская Матрешка, подъ предлогомъ узнать, не шьетъ ли онъ кацавеекъ, нарочно забѣгала удостовѣриться, дѣйствительно ли онъ шьетъ халатъ.

Да; шьетъ. Усѣлся на большомъ ящикѣ, подогнулъ ноги подъ себя, за ухомъ мотоочекъ шелку—и шьетъ. Мало этого—даже посвистываетъ. „Шьетъ и посвистываетъ“! пронеслось изъ квартиры въ квартиру. А домина былъ огромный... Баунька перекрестилась и, встрѣтивъ Малашу на дворѣ, опросила: „шьетъ“?—Шьетъ.

— Ну чтожь, ну чтожь... слава Царицѣ Небесной!

Больше всѣхъ радовалась Катюшка. Пунсовая отдѣлка, тотчасъ-же запрятанная въ сундукъ, ей особенно пришлась по вкусу. Но какъ завзятая бунтовщица, замѣтила отцу, что свистать въ комнатахъ нехорошо.

— Что-же, спѣть тебѣ что-нибудь?

— Пой.

— Что-же тебѣ... Ну, слушай:

Ахъ, вспомню Питеръ родной
И зальюсь я слезой!
Ахъ, какое то несчастье:
Море черное шумитъ...

— Хорошо?

— Хорошо. И я умѣю.

— Что-жь ты умѣешь?

— Сейчасъ.

Катюшка сѣла на табуретку, оправила заплатанное порыжѣлое платьице, сложила руки на колѣнкахъ и запѣла:

Я на камушкѣ сижу,
Я на милаго гляжу:
Ложа, ложа, ложа, ложа!

— Роза?

— Ло-ожа!

— Рожа? Ну-ка, давай вдвоемъ.

— Какъ вдвоемъ?

— Сначала ты ной одна все, а тамъ увидишь. Начинай.

Я на камушкѣ, и проч.

Ложа, ложа, ложа, ложа!

Аганъ Лукичъ басомъ подхватилъ:

Рожа, рожа, рожа, рожа!

Дѣвочка залилась звонкимъ смѣхомъ.

— Еще, батя.

— Еще? Валяй.

Вышло еще лучше, потому что и она подтянула отцу басомъ.

Пролетѣло четыре дня. Халатъ былъ готовъ. Вытюжили и повѣсили въ красный уголъ между иконой и оконцемъ. Аганъ Лукичъ и Катюша любовались имъ и вблизи, и вдали... Великолѣпно! Вообще, халатъ шелъ къ окружающей обстановкѣ какъ розовый бантикъ къ лаптямъ. Относить его вечеромъ Аганъ Лукичъ не захотѣлъ. Весь эффектъ пропадетъ: пунсовый цвѣтъ теряетъ при огнѣ. Онъ рѣшилъ представить его завтра утромъ во всей красѣ и на чаекъ (полагаю на водку) что нибудь стянуть. Упоенный своимъ произведеніемъ, Аганъ Лукичъ никуда не закатился, да и Малаша была догадлива: разжилась гдѣ-то водочкой.

Улеглись часовъ въ десять. Позже всѣхъ уснула Малаша. Не спалось ей. Она была

хоть на минутку счастлива: Аганъ Лукичъ четыре дня просидѣлъ дома. Лѣзло въ голову былое. Петербургъ, барыня, взявшая ее дѣвочкой и сама выучившая ея грамотѣ и разнымъ вышиваньямъ; потомъ поѣздка съ нею въ ея деревню; раздолье полей, рѣка, прудъ, гуси, коровы, куры... Ахъ, хорошо! ахъ, хорошо! Сядетъ себѣ у пруда и смотритъ какъ ныряютъ гуси, утки... Солнце печетъ... Пахнулъ вѣтерокъ... Древній старичекъ Максимъ, съ непокрытой бурой лысиной, удитъ рыбу. Клюетъ, клюетъ... поймалъ. Тащитъ. Видно большое что — тяжело идетъ... Нѣтъ, это не рыба и не удочка. Это какая-то палка съ крючкомъ, крючекъ цѣпляетъ ее за платье и потянулъ-потянулъ...

Малаша проснулась. Что-то холодно. Неужто она забыла закрыть трубу? Нѣтъ, закрыта. Видно морозъ крѣпчаетъ. То-ли дѣло наши дрова, думаетъ Малаша: тепло держится цѣлую ночь и щепки есть, и уголки, и зола для стирки бѣлья, когда надо его *бучить*. А тутъ этотъ проклятый каменный уголь: часъ-два жарко, а тамъ и ничего. Малаша остановила глаза на лампадкѣ. Горитъ свѣтло. До утра хватитъ... Повела глазами по стѣнкѣ, потомъ кругомъ... Что такое? Какъ будто

не все. Чего то-нѣтъ... Чего? Что тамъ висѣло?

Халатъ.

Гдѣ-же? гдѣ?.. Она встала, сдѣлала шагъ—и замерла. Рама въ оконцѣ была полуприподнята...

— Аганъ Лукичъ! Аганъ Лукичъ!

— Ггм... чего ты?

— Вставай скорѣе!

— Чего кричишь, дѣтей разбудишь.

— Куда ты повѣсилъ халатъ?

— Ну тебя. Не наглядѣлась... Въ переднемъ углу.

— Его нѣтъ.

— Какъ нѣтъ?!.

— Нѣтъ.

Аганъ Лукичъ вскочилъ... Нѣтъ... Обвелъ глазами комнату. Да, нѣтъ.

Халата на гвоздикѣ не было.

Аганъ Лукичъ и Григорьичъ бросились на улицу. Спросы и разспросы ни къ чему не повели. Никто ничего не видалъ. Все ѣхало, шло по своему дѣлу. А дежурные дворники и хожалый... Да что-же они? Да ничего не видали...

Домъ ихъ съ ранняго утра оживился. Ахали, охали, рѣшали покрѣпче запираться, а капитанъ съ капитаншей захлебывались отъ криковъ и ругни.

— Что-жь, и васъ обокрасть могли! оправдывался убитый Аганъ Лукичъ. Заработаю, уплачу.

— Нѣтъ, ты въ тюрьмѣ у меня ракалія посидишь.

— Что-жь ругаетесь...

— Тебя, мой милый, мало ругать: тебя въ Сибирь сошлютъ... на каторгу!

Капитанъ видимо черезъ край хватилъ.

Подалъ прошеніе мировому... Аганъ Лукичъ еще никогда не былъ у мироваго. Онъ крѣпко уповалъ, что приподнятая рама въ оконцѣ спасетъ его; страшное слово „воръ“ минуетъ его... Кумъ насупившись разбилъ его мечты.

— Дурень, скажутъ самъ поднялъ раму.

Агапа Лукича и даже Малашу весь дворъ замѣтно сталъ обѣгать. Одна баунька осталась прежняя и говорила: „Ну что-жь, ну что-жь, никто какъ Богъ“.

Аганъ Лукичъ на второй день исчезъ изъ дома. Съ нимъ исчезли утюгъ и ножницы... Опять Малаша стала запирать сундукъ. Кумъ разыскивалъ его по всевозможнымъ притопамъ. „Заходилъ, а гдѣ теперь, не знаемъ“. Наконецъ нашелъ его въ Босомъ баталіонѣ (мелкій трактирчикъ). Сюртука и шапки на немъ не было, глазъ подбитый. Кумъ уговаривалъ его идти домой.

— Не пойду я домой... пока не оправдаютъ. Не могу я глядѣть Катюшкѣ въ глаза... Не воръ я, не воръ, рыдалъ сорокалѣтній человѣкъ.

— Ну, пойдемъ ко мнѣ, надо-жь тебѣ оправиться. Того и гляди повѣстка отъ мироваго. А заочное рѣшеніе знаешь вѣдь какое...

Кое-какъ уломалъ. Посадилъ на извозчика и привезъ къ себѣ. Повѣстка не замедлила. Страшная и мучительная неизвѣстность щипцами тянула жилы бѣднаго Лукича, выматывала всякое соображеніе, рисовала что-то страшное, ужасное... Изъ всѣхъ угловъ конурки Генерала кричали ему голоса „воръ, воръ"! И онъ какъ дитя, то плакалъ, то колотился головою въ стѣнку. Отпускаемая кумомъ порція водки не помогала...

Наступилъ день разбирательства. Кумъ не оставлялъ его. Онъ не былъ пьянъ. Нѣтъ, но ноги еле-еле его держали. Каждая черточка на лицѣ выражала невыразимое страданіе. Но мировой не замѣтилъ этого, не замѣтилъ душевнаго вопля, кричавшаго „я не воръ, я не воръ"! Дѣло кончилось въ пять минутъ. „*На недѣлю въ тюрьму*". Съ Агапомъ Лукичемъ сдѣлалось въ камерѣ дурно. Кумъ вывелъ его въ сѣнцы и насилу отпоилъ захва-

ченнымъ на случай шкаликомъ, зная, что для пьющаго это единственное средство.

Не повидавшись съ женою и дѣтьми, Агапъ Лукичъ самъ пожелалъ сейчасъ-же отправиться въ новое жилище. Въ тюрьмѣ возобновилась его болѣзнь. Желтыя и черныя волны заливали его, зубы росли... Желаніе просадить „всю землю насквозь“, наложило на его небритое лицо что-то разбойничье, угрюмое... Кумъ его навѣщалъ, но Малашѣ не позволялъ. Простая душа почталіона понимала, какъ тяжело было бы свиданіе для обоихъ, но онъ, какъ опытный кормчій, направлялъ ея путь къ излеченію страдающей души.

Въ страстную субботу Агапа Лукича должны были выпустить. Кумъ велѣлъ Малашѣ идти къ прежнимъ портнымъ, которые давали Лукичу работу.—Работа его спасетъ... Иди, валяйся въ ногахъ. Я пойду за нимъ самъ, а то онъ опять удеретъ. Останусь съ нимъ до твоего прихода. А работы не найдешь... можетъ дѣти его спасутъ. Пойдешь сегодня въ церковь, такъ оставь съ нимъ Катюшку.

Малаша попросила бауньку приглядѣть за дѣтьми, когда сдастъ хозяевамъ обѣдъ, „кумъ-молъ идетъ за *нимъ*“.—Ну, что-жь... пригляжу.

V.

Карлъ Ивановичъ, извѣстный портной изъ Вѣны, курилъ въ своемъ магазинѣ послѣобѣденную сигару. Карлъ Ивановичъ имѣлъ магазинъ для заказовъ въ бель-этажѣ, а самъ съ семействомъ жилъ въ третьемъ этажѣ. Въ настоящій моментъ онъ былъ не въ духѣ.

— Этотъ русскій народъ свинь-я! ворчалъ онъ, выговаривая слова отчетливо, *точно отбивая ихъ молоткомъ. Бан-я*, бан-я... Что-такое бан-я! Сотня человѣкъ моется... брызги... грязь... Фи!

Это онъ ругалъ подмастерья, отпросившагося въ баню. И теперь *самому* Карлу Ивановичу приходилось сидѣть въ магазинѣ! Сигара и мѣстный вѣстникъ нѣсколько разсѣяли сварливое расположеніе его духа (онъ выписывалъ кромѣ нѣмецкой газеты мѣстный вѣстникъ не ради *чтенія*, а ради „практики въ русскомъ языкѣ“. Читалъ онъ все, отъ доски до доски).

Зазвенѣлъ колокольчикъ. Карлъ Ивановичъ всталъ. Оказалось, что Карлъ Ивановичъ предлинный нѣмецъ, совсѣмъ похожій на складной аршинъ, но только съ бакенбардами и на двухъ ногахъ.

Въ магазинѣ стояла женщина бѣдно одѣтая, покрытая сѣрымъ платкомъ.

— О, милостыня... нѣтъ, нѣтъ!.. Идите

— Нѣтъ, сударь, я не затѣмъ. Я пришла просить у васъ работы для своего мужа.

— Работа... какая работа? „Намъ пишутъ изъ Аккермана“... читалъ онъ газету.

— Вы были такъ добры, прежде давали ему. Въ особенности вы часто давали ему шить панталоны. Вы хвалили его. Безъ всякой примѣрки какъ вылитое выходило.

— О, это качество закройщика, а не того, кто шьетъ. Я самъ всегда закраиваю. Вотъ эти панталоны, что на мнѣ, я самъ закраивалъ.

— Очень хороши-съ.

— А завтра надѣну еще лучше.

— То-то мужъ мнѣ и говорилъ всегда: какъ хорошо Карлъ Ивановичъ закраиваетъ, у насъ въ Петербургѣ никто такъ не умѣетъ.

— Его фамилія?

— Чижикъ.

— Тж-жикъ... Тж-жикъ... О! Постойте.

Карлъ Ивановичъ пошелъ въ другую комнату и вернулся со вчерашнимъ № газеты.

— Гдѣ это?.. „Поступило пожертвованіе“... Нѣтъ, не то... А вотъ. „Дѣло у мироваго... портной Тж-жикъ“... О русскій языкъ!

— Малаша захолонула.

— ... „*на одну недѣлю въ тюрьму*“. Это мужъ?

— Онъ не воръ... не воръ! У него украли.

— О, идите, идете!

— Сегодня его выпустятъ. Мы безъ работы погибаемъ. Карлъ Ивановичъ! ради вашихъ дѣтей. Вы отецъ!...

— Отецъ, отецъ!...

— Я разскажу вамъ, какъ это было. Вѣдь и васъ могутъ обокрасть. Помогите намъ.

— О, вѣчно эти слезы. Ну, ну... Карлъ Ивановичъ откинулъ у нея съ головы платокъ.—Вы такая хорошенькая: идите въ горничныя. Идите ко мнѣ. Жена ищетъ горничную.

— У меня двое дѣтей, сударь.

— Дѣти, дѣти! Кто же васъ возьметъ съ дѣтьми. Идите! онъ открылъ ей дверь...

— Карлъ Ивановичъ...

— Идите. „Намъ пишутъ изъ Аккермана“...

Дверь захлопнулась.

Я не такъ просила, я не съумѣла! думала Малаша, утирая слезы. Другаго иначе буду просить. Она дошла до магазина другаго портнаго. Плотный господинъ средняго роста, съ красносизымъ лицомъ, воловьими глазами, кричалъ въ магазинѣ на

мальчика, развертывая сукно. Незнающій этого господина могъ подумать, что онъ распекающію задаетъ. Ничуть не бывало. Онъ иначе не могъ разговаривать. Пришепетывая, притютюкивая, вытаращивъ и безъ того вытаращенные глаза, синѣя, выбрасывая брызги, онъ всегда кричалъ сколько влѣзетъ, гдѣ бы ни было, при комъ бы ни было. Вышло нѣсколько скандаловъ, но потомъ привыкли и махнули на него рукой. „Вѣдь это извѣстный г. Крикунъ; не обращайте вниманія"! утѣшали припертую жертву къ стѣнкѣ. По разсказу мужа, Малаша сейчасъ же его узнала.

— Возьми тютютю съ собой большой подносъ, заверни его въ бѣлую скатерть и спроси тютютю куличъ и сырную пасху. Вотъ билетикъ. А чтобъ удобно было нести, поставь тютютю подносъ себѣ на голову. Понялъ?

— Понялъ-съ.

— Ну, убирайся. Отъ кого? обратился г. Крикунъ къ Малашѣ.

— Я, сударь, отъ мужа. Онъ боленъ. Пришла ему работы просить.

— Кто твой мужъ?

— Чижикъ, упадающимъ голосомъ произнесла она.

— Тюю, Агапка Чижикъ, пьяница, воръ!

Что ты, голубушка, ттт... что ты. Халатъ укралъ... Гершка подмастерій на судѣ былъ, на недѣлю ттт... въ тюрьму. Ступай, ступай.

Брызги Крикуна оросили лицо Малаши. А можетъ и не брызги, а ея слезы?..

— Онъ не воръ...

— Съ Богомъ, съ Богомъ! Ишь тюттю... дурака нашла, выдумала!

И тутъ извѣстно, всѣ знаютъ! На какую-то маленькую былинку всѣ накинулись... печатаютъ, говорятъ... доносятъ...

Она была на улицѣ.

Она куда-то шла, шла. Ледокъ мѣстами хрустѣлъ подъ ногою. Въ окнахъ, облитыхъ розовымъ закатомъ солнца, висѣли яички: изъ разстворяемыхъ дверей несся теплый запахъ куличей. Все спѣшило куда-то, тащило узлы, подносы—обернутые скатертями, окорока въ корзинахъ; гремѣли дрожки, кареты... А у нея ничего... Яичко Катюшѣ не на что купить... Она прислонилась у какого-то дома. Въ какомъ-то забытьѣ стояла она, хотѣла поймать какую-то мысль—и не могла. Забыла, все забыла... Что-то ярко сверкнуло въ глазахъ. Она опомнилась. Она стояла у стѣны, а рядомъ блестѣло громадное зеркальное стекло и чья-то рука зажигала газъ. Это была кондитерская. Пирамиды

изъ бисквитовъ, горы печеній блистали бисеромъ, золотыми крестиками, зеленью, на которой переливалось что-то, какъ росинки дождя. Ооохъ! простонала она.

— Вы больны? спросили ее.

Передъ ней стоялъ какой-то господинъ въ мѣховомъ пальто и шляпѣ.

— Нѣтъ...

— Извините. Но я цѣлый часъ глядѣлъ на васъ изъ своего окна. Я живу напротивъ. У васъ должно быть большое горе.

— У меня ничего... ничего... нѣтъ!

— Вы одиноки?

— Двое дѣтей... а-ахъ, двое дѣтей!

— Не обидьтесь... Онъ вынулъ десять рублей.

— О, не такъ много... не надо! Я не отработаю... Дайте мнѣ три рубля.

Онъ далъ три рубля, поклонился и ушелъ.

„О добрый, добрый, шептала она. Что теперь?.. А, да на базаръ... еще не темно, торгуютъ“.

Она принесла домой маленькій куличъ, десятокъ крашенокъ, восьмушку чаю, фунтъ сахару, фунтъ ветчины и... двѣ *стеариновыя* свѣчи! Подъ воротами Григорьичъ сообщилъ ей: „твоего привезли“. Слава Богу! Тихонько она вышла въ сѣнцы и остановилась. Кумъ услыхалъ и вышелъ.

— Ну, что?

— Отказали.

— Гм... А это откуда?

— Одинъ баринъ далъ 3 р. Я не просила.

— Какой баринъ?

Она разсказала.

— Хорошо. Ты у меня чистая... стеклышко. Такъ вотъ что, будемъ лечить его пока по другому. А! заговорилъ онъ громко, тащи, тащи, тащи сюда! Катюшка, гляди: куличикъ съ барашкомъ и крестикомъ, крашенки.

Аганъ Лукичъ лежалъ на сѣнникѣ, укрытый пальто кума.

— Здравствуй, Аганъ Лукичъ, съ преддверіемъ праздника, заговорила Малаша.

— И тебя.

— Скатертку бѣленькую, скорѣй скатертку, командовалъ Генералъ. Это что? Фунтикъ ветчины: слышь, Лукичъ, закуска намъ. Важно, я водки притащу. Пойдешь въ церковь?

— Не знаю. Нѣтъ.

— Отдохни, родной. Катюша разскажетъ тебѣ сказку про пѣтушка-золотаго гребешка.

— Я въ целковь хочу.

— Куда тебѣ, задавятъ, уснешь! Можетъ пока въ баню, кумъ, со мною?

— Хорошо бы. Грязь, нечистота...

— Вотъ и славно. Въ баню, такъ въ баню. А Малаша поприберетъ все здѣсь. По праздничному чтобъ все было, Маланья Николаевна! Ну-ка чистое бѣлье муженьку. А ты надѣнька мое пальто.

— Какъ же ты?

— Э, меня хвороба не беретъ.

Изъ бани Аганъ Лукичъ еле доплелся. Разморило его всего. Рюмка водки, поднесенная Малашей, немного поправила.

— Что-то сонъ меня клонитъ.

— Такъ чего же, усни. До двѣнадцати далеко. Пойдемъ—разбудимъ тебя.

— Оохъ... ладно.

Когда Аганъ Лукичъ сталъ засыпать, кумъ отправился домой. Въ одиннадцать часовъ обѣщалъ зайти за Малашей.

— Ну что? шепотомъ спросилъ Генералъ Малашу, вернувшись.

— Бредилъ.

— Ну, понятно. Григорьичъ сегодня дежурный, въ церковь не идетъ, я просилъ его понавѣдываться.

Катюшѣ дали наставленіе: чуть что, бѣжать за Григорьичемъ.

Ушли.

Гудѣли колокола. По тротуару звонко раздавались торопливые шаги пѣшеходовъ; прокатилась карета...

— Ой, какой огонь! проснулся Аганъ Лукичъ.

— Это, батя, калета поѣхала съ фонарями.

— Гм... Въ церковь ушли?

— Ушли.

Лежа навзничь, закинувъ руки на голову, Лукичъ осматривалъ комнату, точно въ первый разъ ее видѣлъ. Печь за-ново была вымазана крейдой; на табуреткѣ лежала его блуза; полъ вымытъ; въ передъ немъ углу на столѣ, покрытомъ скатертью, лежали крашенки, хлѣбъ, ветчина... Гдѣ же куличъ? кажется былъ куличъ... А, видно понесли святить.

Въ церквахъ теперь свѣтлыя ризы, горятъ свѣчи; скоро хлынутъ хоругви, образа, народъ рѣкою, и все огоньки-огоньки... О, какъ все живо встало передъ Лукичемъ! Въ необъятной дали сіяло его дѣтство въ бѣдной деревушкѣ — бывало версты три тащила его бабка за ручонку въ церковь...

Петька заворочался въ своей норкѣ, покряхтѣлъ-покряхтѣлъ и заплакалъ. А-а! А-а! затянула Катюша. Лукичъ всталъ.— Какже, Катюша, мы теперь съ нимъ?—А вонъ молочко и ложочекъ.—Постой, я налью.

Налилъ. Петька съ жадностью принялъ-

ся сосать, потомъ вытаращилъ на отца глазенки, какъ бы желая имъ сказать (ротъ былъ занятъ): „вонъ, онъ отецъ-то какой у меня!“ и тряхнулъ ножками. — Катюшка, глянь-ка, прыгаетъ. Не прыгнешь, братъ, связанъ! Видно сознавая, что связаннымъ прыгать нельзя, Петька сонливо сталъ закрывать глазки.

Лукичъ скинулъ сюртучишко, походилъ по комнатѣ, легъ, черезъ минуту опять всталъ. Онъ какъ-то странно вглядывался то на дверь, то на жестяной чайникъ на плитѣ, то на крашенки. Сѣлъ на сѣнникъ; тихо, какъ механическая кукла, повернулъ голову на чайникъ и долго не сводилъ съ него глазъ.

— Прогони кошку.

— Гдѣ, батя?

— На плитѣ.

— Тутъ только чайникъ, да два голшечка.

— Чайникъ?... Гм... Всталъ, подошелъ къ плитѣ и нерѣшительно ощупалъ чайникъ. Кошки не было. Гм. Странно. Надѣлъ блузу и опять сѣлъ на сѣнникъ. — Крашенки не упадутъ? — Отчего, батя? — Колышется... столъ колышется. Дѣвочкѣ стало что-то жутко.—Нѣтъ, робко проговорила она. Онъ уперся глазами на дверь.

Медленно приподнялся и на цыпочкахъ подошелъ къ двери.

— Куда ты, батя?

— А, ушелъ разбойникъ, Ушелъ! Ну, счастливъ твой Богъ. Ишь, думалъ, спимъ

Молчаніе.

— Дай-ка, Катюша, водицы.

Принесла.

Тутъ яду нѣтъ?

— Чего?

— А этотъ Гершка, жидюга нархатый... Онъ собирается меня отравить.

Катюша глядѣла на него, ничего не понимая. Опять прилегъ. — Я не воръ, не воръ! дико закричалъ онъ черезъ минуту. Катюша прижалась въ уголокъ, пугливо глядя на отца. Сердечко ее стучало... Точно обезсиленный, уронилъ онъ голову на руки и такъ задремалъ. Катюша рѣшала вопросъ: идти за Григорьичемъ или нѣтъ? Тихонько стала приподниматься...

— Катюша! окликнулъ ее отецъ.

— А? дрогнула дѣвушка.

— Я не воръ, Катюша, всхлипывая какъ ребенокъ, жалобно заговорилъ онъ.

— Я знаю, батя. Я плюнула въ харю Лизкѣ, когда та сказала, чтобъ дѣвочки не иглали съ дочкою вола.

— Я тебѣ разскажу, Катюша, какъ это было. Онъ всталъ. — Видишь, въ этомъ

окончѣ два стекла поднимаются. Воръ и поднялъ тихонько раму. А халатъ здѣсь. Онъ палкой съ крючкомъ и вытащилъ халатъ. А не я, Катюша... не я! Въ изнеможеніи онъ опустился на сѣнникъ. Слезы какъ горохъ сыпались у него. Горько, Катюша!

Со всѣхъ концовъ города понесся звукъ колоколовъ и раскатились пушечные выстрѣлы съ моря на судахъ. Лукичъ дрогнулъ... вскочилъ и запѣлъ: „Христосъ воскресе—изъ мертвыхъ“.

— Хлистосъ восклесе, батя! поцѣлуй, батя.

Онъ взялъ ее на руки и, три раза цѣлуя, отвѣтилъ: „вонистинну воскресе“! Петька, испуганный должно быть выстрѣлами, предполагая, вѣроятно, что и въ немъ нуждаются, довольно энергично заявилъ о своемъ присутствіи.

— Петька хлистосуется съ тобою.

— О, милый мой... Ну, Христосъ воскресъ. Не умѣешь еще говорить, кричать только умѣешь... Молочка тебѣ? На, на... А-а а-а!

— Христосъ воскресе! загремѣлъ голосъ Генерала еще въ сѣняхъ. Черезъ четверть часа явилась и Малаша съ освященными куличемъ и пяткомъ крашенокъ. Пока она христосовалась съ мужемъ и хлопотала

около стола, Генералъ вызвалъ Катю въ сѣнцы для допроса... „Желтуха“! подумалъ кумъ входя.

— Ну, по малости выпьемъ. День святой сегодня, много грѣшно... Вотъ бѣда, куманекъ, идти мнѣ далеко.

— Оставайтесь у насъ ночевать, сказала Малаша.

— А что ты думаешь? и останусь.

— На чемъ-же ты ляжешь?

— Э, братъ, мы привыкли ко всему. На перекладной, бывало, почту отвозишь, такъ тебѣ всѣ ребра отколотитъ — жизни не радъ!

Лукичъ сталъ опять поглядывать на чайникъ.—Кумъ, убери чайникъ.

— А что?

— Чудится мнѣ...

— Ладно. Можетъ и это убрать? указалъ кумъ на полотенце и зеркальце.

— Это... Да.

— Ну, и на боковую бы пора. Умаялся нынче Генералъ, старъ становится.

— Дай мнѣ конфечку, не отводя глазъ отъ окна, проговорилъ Лукичъ.

— На что?

— А вотъ за оконцемъ дѣвочка на колѣняхъ, въ лохмотьяхъ, ручку протянула... милостыньку проситъ.

— На.

Лукичъ подошелъ къ оконцу, поднялъ раму и протянулъ руку съ копѣечкой, говоря: возьми, бѣдняжка! Копѣечка упала, зазвенѣла по подоконнику и скатилась на полъ. Дѣвочки не было.

— Раздѣвайся-ка, Лукичъ. Снимай блузу... Вотъ такъ. Это тебѣ все кажется. Боленъ ты, лечиться надо.

— Куда же вы меня теперь? какъ-то беззащитно спросилъ онъ, понуривъ голову.

— А вотъ позовемъ доктора, что посовѣтуетъ, то и сдѣлаемъ. Можетъ въ больницу... У тебя либо горячка, либо желтуха. Гляди, какіе у тебя бѣлки желтые?

— Горячка... Я все помню, что говорю, что вижу... Онъ остановился. — Смотри, смотри, прошепталъ онъ, схвативъ его за руку.

— Ну?

— Плита... опускается... Это Гершка подрылся сюда...

— Которая плита?

— Вторая отъ порога.

— Плита, какъ плита! сталъ на нее Генералъ.

— Гм... Это онъ тебя увидалъ.

— Уснемъ-ка, голубчикъ. Вотъ я тебя накрою. А самъ тутъ лягу. Кумушка, ты свѣчу-то не туши, поставь ее на сундукъ, а то лампадка вдругъ потухнетъ, въ

потьмахъ останемся. Кумъ заперъ дверь на крючекъ и улегся поперекъ выхода. Притворясь спящимъ, онъ наблюдалъ изъ-подъ полузакрытыхъ вѣкъ за Лукичемъ. Тотъ тревожно ворочался... Съ полчаса прошло. Послышалось неровное сомнѣніе. Уснулъ, подумалъ кумъ. Предъутренній сонъ одолѣлъ и старика... Кто-то толкнулъ его въ плечо. Онъ открылъ глаза: Малаша указывала ему головой на больнаго. Лукичъ всталъ на постели, въ рубахѣ босикомъ, бросился къ двери, но наткнулся на кума и грохнулся на полъ.

— Не говори! не говори! трясся Лукичъ какъ листъ на осеннемъ вѣтрѣ. Ноги его не держали, голова падала на грудь.

— Что ты, Аганъ Лукичъ, что ты, голубчикъ. Присядь, присядь вотъ сюда на постель. Ишь, рубаха—хоть выжми, волосы мокрехоньки. Что съ тобою?

— Тише... Они услышатъ... Мы наводили понтоны...

— Ну?

— На томъ берегу по горамъ все огоньки. Турки... Я не поспѣлъ накинуть крюкъ на петлю... Понтонъ понесло. Турки начали стрѣлять. Кто измѣнилъ? кто крюкъ не надѣлъ? спрашивали наши. Повѣсить его, повѣсить... Я бултыхнулъ

въ воду, выплылъ, хотѣлъ бѣжать, да на тебя и наткнулся.

— Что-жь, глубоко было?

— Глубоко. У-ухъ, какъ холодно!

— Накинь пальто-то. Не бойся не выдамъ. Малаша тутъ-же. Кумушка, дай-ка намъ другую рубаху, коли есть.

Пока доставали рубаху, Лукичъ прижался въ самый уголъ, съежился и все оглядывался, точно боясь, что его увидятъ. Къ утру успокоился, сонъ сталъ ровнѣе.

Было часовъ семь. Малаша вышла въ сѣнцы за углемъ. Кумъ за нею.

— Плохо, кума!

— Вижу, добрый мой.

— Надо доктора.

— А деньги гдѣ же, голубчикъ.

— У меня рублишка два...

— Что эти два рубля! Кумъ, помолчала Малаша, я вотъ что...

— Ну!

— Я пойду ко *вчерашнему* барину. Онъ живетъ противъ *той* кондитерской. Разскажу ему свое горе...

Кумъ почесалъ лобъ.—Иди, Господь съ тобою.

VII.

Девять часовъ. Малаша скоро нашла кондитерскую. Противъ нея былъ большой трехъэтажный домъ. У воротъ сидѣлъ кучеръ въ красной рубахѣ, плисовой безрукавкѣ и курилъ папироску. Она подошла къ нему.

— Христосъ воскресе!

— Воистинну воскресе!

— Скажите пожалуйста, чей это домъ?

— Лунина.

— Молодой, съ усами и эспаніолкой?

— Вѣрно. Чего вамъ?.. Инъ ты, проклятая, тухнетъ.

— Онъ вчера... велѣлъ мнѣ зайти, но я забыла фамилію.

— Чиркайся, дьяволъ! Отсырѣла... Ребенокъ, что-ли, у васъ?

— Двое...

— На этотъ счетъ ужь его подай. Какъ рѣшето дыравое — все высыплетъ. Сестренка у него умерла... ну строго-настрого всѣмъ и наказалъ: коли-молъ услышите, ребенокъ боленъ или въ нуждѣ, сейчасъ это ему докладывать. Старая барыня, генеральша-то, души въ немъ не чаетъ: одинъ, да и то какой-то болѣзный. Да и надуваютъ же его!

— Куда же мнѣ пройдти?

— На парадное не ходите. Во дворѣ направо, черная лѣстница....въ бельэтажъ... какъ взойдете, кухня сейчасъ. Тамъ ужъ проводятъ...

— Благодарствуйте.

Кучеръ проводилъ ее глазами и мотнулъ головою. — Эка сласть баба! Куда Дунькѣ.

Кухня была чистая, ровно тамъ не стряпали, а гостей принимали. Кастрюли, ситечки, ножи такъ и блестѣли. Толстенькій поваръ, очень похожій на моиса, пробовалъ вилкой что-то скворчащее на сковородкѣ: готово-ли молъ? Похристосовалась. Объяснила.

— Иванъ Максимычъ, а Иванъ Максимычъ! крикнулъ поваръ: вы здѣсь?

Вышелъ какой-то господинъ въ бѣлой какъ снѣгъ рубахѣ, во фракѣ, съ длиннѣйшими черными бакенбардами.—Вотъ, спрашиваетъ барина, велѣлъ придти.

— Пойдемте.

Господинъ оказался лакеемъ. Прошли одну комнату, другую, вступили въ третью, устланную коврами. Въ ней стояла ванна, мраморный умывальникъ, оттоманка, на стѣнѣ висѣло громадное зеркало... портреты... все какъ у *ея барыни*! — Подождите здѣсь, доложу. Лакей поднялъ тяжелую портьеру и скрылся. Ну, какъ *онъ*

отвѣтитъ: „я никому не велѣлъ приходить“... Господи!

— Пожалуйте.

Она мысленно перекрестилась и вошла. Цвѣты, вьющаяся зелень, картины, лампы, кушетки, ковры, — все это затуманилось у нея въ глазахъ. Не видя *его*, на угадъ она проговорила: Христосъ воскресе!

— *Воистинну воскресъ*, послышался прямо его мягкій голосъ. А, старая знакомая! улыбнулся онъ.

Онъ сидѣлъ у громаднаго письменнаго стола, держа въ рукѣ неразрѣзанную книгу и слоновый ножикъ.—Что скажете?

Она разсказала ему свою скорбную повѣсть. Дрожащій въ началѣ ея голосъ къ концу окрѣпъ. Говорила *жена и мать*...

— Я пришлю къ вамъ своего доктора. Онъ сталъ что-то писать. Вашъ адресъ?

— Михайловская, домъ Татти.

Позвонилъ.

— Велите кучеру сейчасъ отвезти.

Малаша и не замѣтила, какъ вошелъ и какъ исчезъ Иванъ Максимычъ.

— Какихъ лѣтъ у васъ дѣти?

— Дѣвочкѣ пять лѣтъ, мальчикъ грудной.

— Пять лѣтъ... Постукивая ножомъ по книгѣ, онъ перевелъ свой печальный

взглядъ на прессъ-папье. Прессъ-папье было очень странное. Ихъ много было на столѣ. Но это было странное. На черной пирамидальной плиткѣ высилась бѣлая колонка, а на ней бѣлый ангелъ, показывающій одной рукой на небо, а въ другой держа крестъ. Солнце играло на этомъ прессъ-папье и казалось, что бѣлыя крылышки ангела трепетали.

— Возьмите! Какъ-то торопливо, надтреснутымъ голосомъ, произнесъ онъ, подходя къ ней и протягивая двадцать пять рублей.

— Я не умѣю, сударь, благодарить...

— И не надо.

— Я не обманываю васъ. Пріѣзжайте сами взглянуть.

— Нѣтъ. Я люблю дѣтей... Но я не могу смотрѣть на нихъ.

— И вы несчастны! А богаты...

Улыбка подернула его губы.

— Прощайте.

VIII.

Это былъ замѣчательный день для жильцовъ дома Татти. Совершилось три невѣроятныхъ событія.

Кумъ встрѣтилъ Малашу въ сѣнцахъ.

— Тише. Задремалъ.

— Докторъ пріѣдетъ, а вотъ и деньги.

— Добрая душа... добрая, задумчиво проговорилъ Генералъ. Ну, кума, надо дѣло дѣлать.

— Какъ-же безъ доктора?

— Не то. Иди, сейчасъ размѣняй деньги. Шестнадцать рублей вручи капитану за халатъ. Деньги отдашь ему, когда онъ напишетъ тебѣ такого рода росписку: „За матеріалъ, купленный мною на халатъ, пропавшій изъ квартиры портнаго Агапа Чижика, получилъ отъ него, Чижика, все сполна. Капитанъ такой-то“. Поняла? Мы это еще напечатаемъ и преподнесемъ больному. А?

Малаша бросилась ему на шею.

— Ну, не лизаться.

Черезъ полчаса капитанская Фенька, на бѣгу въ лавочку, объявила Матрешкѣ: — Уплатилъ... шестнадцать цѣлковыхъ... уплатилъ за халатъ-то... Агапка-то!

— И-и-и! А-а-а! Подижь ты! Такъ значитъ не онъ укралъ! гомонили по лѣстницамъ и квартирамъ. Пошли даже поглядѣть, не превратилась-ли квартира Чижика въ палаты какія. Нѣтъ, все такая же... Ну-ну!

— Берегись! гаркнулъ собравшейся кучкѣ довольно солидный голосъ. Къ квартирѣ Лукича, по указанію дворника, подъ-

ѣзжало купе, запряженное великолѣпной сѣрой лошадью въ англійской упряжи. Кучеръ былъ одѣтъ въ ливреѣ и шляпѣ съ галуномъ. Около него торчалъ бичъ. Изъ кареты вышелъ господинъ съ бородою и спустился въ подвалъ портнаго. Изумленіе росло и росло. Говорили шопотомъ... вырвался только голосъ Матрешки, какъ самой храброй: „не укуситъ". Матреша адресовалась къ кучеру:

— Чьи вы будете?

— Докторскіе.

Доктору прежде всего кинулись въ глаза бѣлки Агапа Лукича; осмотрѣлъ ихъ, пощупалъ пульсъ и велѣлъ лечь навзничь. Постучалъ сквозь рубаху въ животъ.

— О-ой! простоналъ Лукичъ.

— У васъ здѣсь болитъ?

— Да.

— У васъ желтуха. Вамъ надо въ больницу.

— Докторъ, осмѣлюсь доложить, откашлянулся Генералъ (застряло что-то въ горлѣ), а если всѣ мѣста заняты?

— Я попрошу временное помѣщеніе.

Докторъ вырвалъ изъ записной книжки листокъ и написалъ нѣсколько строкъ.

Пока онъ писалъ, съ кулакомъ кума дѣлалось что-то особенное. То онъ клалъ его за пазуху, то пряталъ назадъ.

— Вотъ, отдадите дежурному врачу. Прощайте.

Докторъ быстро вышелъ. Кумъ кинулся за нимъ, взмахнулъ кулакомъ, точно собираясь его бить.

— Докторъ, кх-кх... позвольте!

— Что вы?

Генералъ протянулъ кулакъ и расправилъ его. Рука была отстранена, со словами:

— Нѣтъ, пожалуйста.

Изъ кулака Генерала выпала на полъ рублевка, а самъ онъ остался съ растопыренными руками, выпучивъ глаза.

— Ты подавился? спросила Катюшка.

— Подавился, отвѣтилъ сердито Генералъ. О, старый дуракъ! Не могу простить... Вѣдь не мы его звали. Безмозглая башка. Дай кружечку воды. Выпилъ, тяжело отдуваясь. Ну, Лукичъ, я за извозчикомъ А чтобъ скучно не было, Малаша прочтетъ тебѣ одну бумажку... Кумушка, прочтешь ему бумажку, да отыщи его паспортъ.

Какъ ребенокъ радовался Лукичъ, прочтя росписку. Онъ и плакалъ, и цѣловалъ ее.

— А все генералъ, говорила Малаша.

— Ну ужь и генералъ... Положи ее на

божничку, береги ее безъ меня. О, какъ мнѣ хотѣлось бы выздоровѣть!

Событія для жильцовъ дома Татти слѣдовали одно за другимъ быстро, неожиданно. Не знаю, какъ вынесли ихъ нервы. Только что хотѣли расходиться по своимъ угламъ, какъ опять нѣчто особенное. Къ крылечку Лукича подъѣхалъ фаэтонъ. Въ фаэтонѣ сидѣлъ кумъ, вышелъ, громко проговоривъ: „Заверни".

— Не въ стѣну же, господинъ, поѣдемъ! отозвался извозчикъ.

— Куда васъ взяли? опять торнулась Матрешка.

— Въ больницу. Больной тутъ. Нѣтъ-ли сѣрничка, землякъ? обратился онъ къ Сыромятниковскому кучеру.

— Можно. Сколько далъ за пристяжную?

— Мы отъ хозяина.

— Да отстань, Матрешка! закричала капитанская Фенька. Лоскотно... боюсь!

— Ты ее, жирную, метлой-бы! покосился Григорьичъ.

— А я тебя помоями окачу! отрѣзала Матрешка.

— Окатишь. А мировой?

— Ничего не подѣлаетъ.

— Матрена Ивановна это вѣрно говоритъ, вмѣшался въ разговоръ хозяйскій лакей, потому какой можетъ быть судъ?

Нечаянно окатила. Тутъ ни одной мировой ничего не подѣлаешь.

— А я скажу,—пинджакъ испортила, да представлю его.

— А почему ты будешь знать, что я окатила? Я убѣгу. Можетъ кто другой.

— Вѣрно Матр...

— Тс... ведутъ.

— Ахти, батюшки, желтый-то какой.

— Да ужь желтиница, чего тутъ.

— Гляди-ка, пальто на немъ.

— Ноги не держатъ, Генералъ.

— Поддержимъ, не бойся. Садись... такъ ладно? Ну, съ Богомъ. Трогай!

На лѣсенкѣ стояла печальная Малаша и Катюшка въ слезахъ, держась за юбку матери.

— Что, Малашенька, заговорила баунька, повезли?

— Да.

— Ну что-жь, ну что-жь... Можетъ и вылечатъ. Желтиница?

— Да.

— Майскихъ сушеныхъ травъ, голубка, достать-бы. Настоять и умываться каждый день. Помогаетъ.

— Самое лучшее, вмѣшалась Матрешка, янтари. Повѣсить нитку янтарей на шею, да истолочь нѣсколько, въ водѣ раз-

вести и давать пить. На шеѣ-то янтари желтиницу втянутъ.

— А толченые кишки засмолятъ! вставилъ Григорычъ.

— Эхъ ты, борода... нешто янтари— смола!

— А по твоему камни самоцвѣтные? Извѣстно смола... Окаменѣлая, значитъ, въ землѣ...

— А ты не смѣйся, дурень! Моя барыня этимъ вылечилась.

— А самое разлюбезное дѣло — щучья жолчь, совѣтовалъ Сыромятниковскій кучеръ. Сторона наша рыбная, рыбой всѣ промышляютъ; чуть желтуха, — сейчасъ у живой щуки брюхо порютъ, вынимаютъ жолчь и все глядятъ — все глядятъ на нее.

— Погляжу я на васъ—ничего не понимаете! заявилъ Григорычъ. Что вы ей голову морочите. Янтари! Поймать надо три вши...

— Ахъ, гадость!

— Живыхъ, какъ есть, завернуть въ хлѣбъ, али во что другое, и дать съѣсть больному, чтобы только онъ не зналъ. Какъ рукой сниметъ!

— Мама, Петька плачетъ.

Петька, какъ любящій сынъ, выручилъ

мать. Вслѣдъ ей посыпались майскія травы, янтари и проч.

— Андрей! Матрешка!—раздавались голоса господъ,—куда вы, проклятые, запропастились.

Капитанская Фенька, ровно что-то вспомнивши, прыснула со всѣхъ ногъ домой. Забревшій съ улицы мальчишка поглазѣть, что за народъ собрался, тюкнулъ ей вслѣдъ и, видно боясь вихро-дранки, задалъ стрекача. Фенька, какъ полуумная, влетѣла въ гостиную.

— Барыня, а барыня!

— Что ты, съ цѣпи сорвалась, дура?

— Генералъ повезъ больнаго въ больницу.

— Какой генералъ?

— Настоящій генералъ съ усами, здоровенный.

— Видишь, душечка, замѣтилъ капитанъ, я говорилъ тебѣ, что этотъ народъ всюду влѣзетъ. Можетъ черезъ этого генерала я и мѣсто получилъ бы.

— Ты его прежде видѣла?

— Сколько разовъ, только я не знала, что это генералъ. А тутъ Агапка говоритъ ему: ноги трясутся, генералъ.

— Я говорилъ, матушка...

— Что ты говорилъ? Я говорила...

— Что ты говорила, глупая! Я говорилъ.

— Да ты самъ дуракъ! Чего ругаешься. Я говорила...

— Я говорилъ...

Гостинныя, кухни, переднія оглашались ропотомъ, грызнею. Щи и супы сбѣжали, жаркое подгорѣло, кошки хозяйничали, дверей гостямъ, пріѣзжавшимъ съ визитомъ, отворить было некому.

IX.

Черезъ шесть недѣль Аганъ Лукичъ выписался изъ больницы. А еще недѣли черезъ три-четыре квартиру его мудрено было узнать. Она напоминала собою лавку старьевщика. По стѣнамъ висѣли старые сюртуки, поддевки, жилеты, штаны. Аганъ Лукичъ, весело распѣвая, сидѣлъ съ утра до ночи, поджавши ноги, и все шилъ—шилъ, точно желая наверстать потерянное время. Кумъ и фабричный, игравшій на гармоникѣ, присылали ему знакомыхъ починить что-нибудь. „Не пьетъ, пересталъ пить“, бѣжала молва между бѣднымъ людомъ, расходясь все шире и шире. На что Григорьичъ, не дававшій два года ему работы, и тотъ рѣшилъ отдать ему вывести пятна съ „пиджака“

(Матрешка таки исполнила слово — окатила помоями).

Придетъ бывало къ Лукичу кумъ и давай трунить надъ нимъ:

— А я тебѣ водки принесъ.

— Ну се, проклятую, въ болото! Запаха слышать не могу.

— А понтоны строить будемъ?

Аганъ Лукичъ смѣялся.

— Скажи ты мнѣ, спросилъ однажды Генералъ, видѣлъ ты, какъ строютъ понтоны?

— Ни въ жизнь.

— Ахъ, ты шутъ гороховый. Ха, ха, ха!

— Ха, ха, ха...

Смѣялась и Катюшка.

— А ты чего, колокольчикъ?

— Я не колокольчикъ, а дѣвочка.

— Смѣешься ты, ровно звенитъ колокольчикъ... Вотъ что, Лукичъ, тебѣ вѣдь надо подумать о другой квартирѣ, поудобнѣе.

— Ужь эта штука давно засѣла у меня въ голову.

— Двѣ комнатки, кухоньку. Ты не лѣзь въ хорошую часть города, а гдѣ нашъ братъ, бѣднякъ, живетъ, это вѣрнѣе будетъ. На воротахъ прибьемъ вывѣску: „Портной изъ Петербурга, Аганъ Чижикъ“.

— По бокамъ нарисуемъ сюртукъ, под-

девку, а посрединѣ... Какъ думаешь, что посрединѣ? мигнулъ Лукичъ.

— Ну?

— Халатъ.

— Да еще золотомъ пустимъ. А?

— Спасибо тому, кто укралъ его, человѣкомъ меня сдѣлалъ.

До слуха Генерала донеслось всхлипыванье въ сѣнкахъ. Онъ всталъ, прошелся по комнатѣ и вышелъ въ сѣнцы, говоря: „кумушка, какъ бы намъ чайку". Въ сѣнцахъ плакала Малаша.

— Чего ты?

— Тише, затворила она дверь и кинулась къ нему на шею. Я счастлива... счастлива!

Казалось, это была не оборванная, въ угольной пыли Малаша, а прежняя, чистенькая горничная Малаша.

— Слава Богу, слава Богу!

— Старикъ поцѣловалъ ее. На усахъ повисла неизвѣстно чья слеза—его или ея.

— А меня не поцѣлуешь? высунулась въ дверь Катюшка.

— Въ сапогъ тебя! гаркнулъ Генералъ и бросился за убѣгавшей Катюшкой. А сапоги у Генерала были такіе, что если въ одинъ изъ нихъ поставить Катюшку, то приходилось задумываться: видна ли будетъ ея макушка или нѣтъ? Сапоги-скоро-

ходы нагнали бѣглянку. Она была схвачена, посажена на колѣни, поцѣлована и подброшена вверхъ съ опасностью треснуться въ потолокъ.

— Валяй, Катюшка *„на камушкѣ“*. Вѣдь этотъ лѣшій чистый камень.

— Ладно, ладно. Крѣпокъ ли твой „крюкъ на петлѣ“?

— Небось, не сорвется.

Катюшка запѣла:

Я на камушкѣ сижу,
Я на милаго гляжу:
Ложа, ложа, ложа, ложа!..

Генералъ и Агапъ Лукичъ подхватили басами: Рожа, рожа, рожа, рожа!

Капитанша, разузнавшая, кто такой „Генералъ“, приколотила Феньку. На жалобу плачущей дѣвченки баунька замѣтила: „ну что-жь, ну чтожь“...

ОГЛАВЛЕНІЕ.

		стр.
I.	Педагоги и актеры.—Н. А. Добролюбовъ	8
II.	Новая труппа. — Актеры - пилигриммы. Опять дорога.	22
III.	Новыя лица.—Погруженіе въ закулисныя дрязги.	37
IV.	Печальная перспектива. — Редакторъ и его секретарь.—Перекатиполе.—Старые знакомые	50
V.	Труппа, обросшая мохомъ и молодые отпрыски	67
VI.	Роскошная постановка оперы . .	85
VII.	Первый народный театръ . . .	99
VIII.	Кое-что свѣтлое.	113
IX.	Театральное дѣло въ провинціи.	124
X.	Театральныя правила	128
XI.	Антрепренеры.	143
XII.	Судьбы актрисы и актера . . .	166
XIII.	Исканія лучшаго	195
XIV.	Община русскихъ актеровъ. . .	224

Родная газета въ очеркахъ и разсказахъ.

стр.
I. Уволенъ по болѣзни 265
II. Утопился въ колодцѣ . . . 277
III. Отравилась спичками 286
IV. Женщина упала въ море 300
V. Подкинули ребенка 316

I. Босой баталіонъ. 386
II. Халатъ. 420